

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция
(код и наименование направления подготовки / специальности)

Уголовно-правовой
(направленность (профиль)/специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Процессуальное положение подозреваемого в уголовном процессе»

Обучающийся

В.И. Иванов

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, О.Е. Репетева

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность темы исследования связана с тем, что практика применения норм, регулирующих положение подозреваемого, выявляет ряд проблем, связанных с недостаточной четкостью законодательного регулирования, а также с нарушениями прав, подозреваемых в ходе предварительного расследования.

Цель настоящего исследования – анализ процессуального положения подозреваемого в уголовном процессе, выявление проблем правового регулирования и правоприменения.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе реализации процессуального статуса подозреваемого в рамках уголовного судопроизводства, а также правовые последствия для подозреваемого и иных участников процесса.

Предметом исследования выступают нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие положение подозреваемого, а также судебная и следственная практика, связанная с применением этих норм.

Методологическую основу работы составляют общенаучные методы и специальные юридические методы, такие как формально-юридический, сравнительно-правовой и другие.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для совершенствования правового регулирования процессуального положения подозреваемого, повышения эффективности защиты его прав и обеспечения единообразия правоприменительной практики.

Работа включает введение, три главы по теме исследования, заключение и список используемых источников и используемой литературы.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Теоретические и нормативные основы процессуального положения подозреваемого в уголовном процессе	6
1.1 Понятие и сущность процессуального положения подозреваемого .	6
1.2 Нормативное регулирование статуса подозреваемого в российском и международном уголовно-процессуальном законодательстве.....	11
Глава 2 Процессуальные права и обязанности подозреваемого в уголовном процессе.....	19
2.1. Основания признания лица подозреваемым по УПК РФ.....	19
2.2 Процессуальные права и обязанности подозреваемого	24
2.3 Меры процессуального принуждения в отношении подозреваемого.....	39
Глава 3 Проблемы и перспективы правового регулирования процессуального положения подозреваемого	45
Заключение	56
Список используемой литературы и используемых источников	61

Введение

В современном обществе вопросы, связанные с процессуальным положением подозреваемого в уголовном процессе, имеют особую значимость. Подозреваемый, как один из ключевых участников уголовного судопроизводства, занимает особое место в системе уголовной юстиции, поскольку его правовой статус напрямую влияет на реализацию принципов справедливости, законности и защиты прав человека. Процессуальное положение подозреваемого определяет его права, обязанности и гарантии в ходе уголовного преследования, что требует четкого правового регулирования и единообразной правоприменительной практики.

Практика применения норм, регулирующих положение подозреваемого, выявляет ряд проблем, связанных с недостаточной четкостью законодательного регулирования, а также с нарушениями прав подозреваемых в ходе предварительного расследования.

Цель настоящего исследования – анализ процессуального положения подозреваемого в уголовном процессе, выявление проблем правового регулирования и правоприменения.

Для достижения указанной цели в ходе исследования решаются следующие задачи:

- раскрыть правовую природу и сущность процессуального статуса подозреваемого в уголовном процессе;
- проанализировать нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие положение подозреваемого;
- изучить основания признания лица подозреваемым по УПК РФ;
- исследовать права и обязанности подозреваемого, а также гарантии их реализации в уголовном судопроизводстве;
- рассмотреть меры процессуального принуждения в отношении подозреваемого;

- выявить проблемы и рассмотреть меры процессуального принуждения в отношении подозреваемого.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе реализации процессуального статуса подозреваемого в рамках уголовного судопроизводства, а также правовые последствия для подозреваемого и иных участников процесса.

Предметом исследования выступают нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие положение подозреваемого, а также судебная и следственная практика, связанная с применением этих норм.

Методологическую основу работы составляют общенаучные методы и специальные юридические методы, такие как формально-юридический, сравнительно-правовой и другие.

Нормативную базу исследования составляют Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, а также иные правовые акты, регулирующие процессуальное положение подозреваемого.

Эмпирическая основа исследования включает анализ судебной практики, а также научные публикации, посвященные вопросам процессуального статуса подозреваемого в уголовном процессе.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для совершенствования правового регулирования процессуального положения подозреваемого, повышения эффективности защиты его прав и обеспечения единообразия правоприменительной практики.

Работа включает введение, три главы по теме исследования, заключение и список используемых источников и используемой литературы.

Глава 1 Теоретические и нормативные основы процессуального положения подозреваемого в уголовном процессе

1.1 Понятие и сущность процессуального положения подозреваемого

Процессуальное положение подозреваемого в уголовном процессе закреплено в УПК РФ как правовой статус лица, в отношении которого государство, в лице органов предварительного расследования, выдвигает обоснованное предположение о совершении преступления. При этом статус подозреваемого не является произвольным – его возникновение возможно только в установленных законом формах, что свидетельствует о том, что подозреваемый выступает как самостоятельный субъект уголовного судопроизводства, находящийся на начальной стадии уголовного преследования.

Научная мысль также активно откликнулась на изменения в законодательстве, развивая теоретическую базу, посвящённую понятию подозреваемого, формированию научных подходов к его процессуальному положению, обсуждению пределов прав, обязанностей и гарантий на стадии досудебного производства.

Так, авторы Л.В. Попова, Ю.В. Третьяков отмечают, что «процессуальное положение подозреваемого как самостоятельного участника уголовного процесса представляет собой систему взаимосвязанных элементов, каждый из которых образует структуру, состоящую из отдельных норм, регулирующих статус подозреваемого в определенный период производства по делу. Подозреваемому допустимо защищаться всеми не запрещенными законом способами» [23, с. 84].

С.И. Пономаренко, А.С. Пономаренко считают, что «статус подозреваемого представляет собой систему правовых свойств лица, вовлекаемого в уголовное производство в связи с имеющимся в отношении него подозрением в совершении преступления, которое позволяет

характеризовать его значение, место и роль в данном производстве на основе законодательного определения его понятия, наделение комплексом прав и обязанностей, которые обеспечивают защиту личных интересов и участие в уголовно-процессуальных отношениях» [22, с. 6].

Вместе с тем авторы подчеркивают, что «рассматривая правовое положение подозреваемого, необходимо отметить, что подозреваемый – человек, личность, на которую в силу ее политico-правовой принадлежности к государству либо в силу нахождения на территории государства в качестве иностранного гражданина или лица без гражданства в той или иной мере распространяется юрисдикция этого государства. Исходя из этого, правовой статус подозреваемого можно охарактеризовать как фактическое положение в данном обществе и государстве с большей или меньшей полнотой выраженное в праве, а также как его социально допустимые и необходимые возможности и потенции. Не смотря на серьезные ограничения конституционных прав подозреваемого, он остается носителем всех черт статуса личности» [22, с. 2].

По мнению М.М. Бондарь, «придание лицу процессуального статуса подозреваемого представляет собой официальное заявление органа расследования о причастности конкретного лица к совершению расследуемого преступления. При этом как у лица, приобретающего статус подозреваемого, так и у окружающих, осведомленных об этом обстоятельстве, формируется мнение о его виновности в совершении того преступления, в котором он подозревается. Даже последующее прекращение уголовного преследования в отношении подозреваемого не всегда может восстановить не только права, затронутые уголовным преследованием, но и репутацию данного лица в глазах общественности» [4, с. 138].

Авторы О.Х. Штымова, И.Д. Мальцаев отмечают, что «лицо, подозреваемое в совершении преступления, с точки зрения исполнения им процессуальной функции относится к стороне защиты. Его основная функция – это защита от уголовного преследования, от необоснованного подозрения и в последующем обвинения, а также осуждения и наказания» [40, с. 234].

Также по мнению авторов, «определяющим в наделении лица статусом подозреваемого является факт наличия или отсутствия применения к нему мер уголовного воздействия и уголовно-процессуального принуждения. Данное обстоятельство в полной мере не позволяет подозреваемому реализовывать свои права и отстаивать законные интересы в уголовном процессе, а также не соответствует закрепленному в ст. 14 УПК РФ принципу презумпции невиновности» [40, с. 236].

Авторы в своем исследовании предлагают следующее определение подозреваемого: «подозреваемым является лицо, в отношении которого совокупность фактических доказательств в материалах дела свидетельствует о причастности лица к совершенному преступлению, либо задержанное в порядке статей 91 и 92 настоящего Кодекса» [40, с. 237], а также предлагает «под материальными основаниями придания статуса подозреваемого понимать данные, полученные дознавателем, следователем в процессе своей познавательной деятельности, в установленном процессуальном порядке, которые прямо или косвенно указывают на причастность лица к тому или иному преступлению» [40, с. 237].

Следовательно, процессуальное положение подозреваемого в уголовном судопроизводстве носит временный и переходный характер. Оно возникает на досудебной стадии уголовного процесса в тех случаях, когда уполномоченных органов имеются достаточные данные, позволяющие предположить причастность конкретного лица к совершению преступления, однако объём доказательств ещё недостаточен для предъявления ему обвинения в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом.

С момента признания лица подозреваемым между ним и государством устанавливается определённая процессуальная связь. Подозреваемый уже вовлечён в орбиту уголовного преследования и в отношении него могут применяться меры процессуального принуждения, ограничивающие его права и свободы. Тем не менее, на данной стадии уголовного судопроизводства эта связь не является окончательной, поскольку лицо ещё не наделено статусом

обвиняемого, что означает отсутствие сформулированного и предъявленного обвинения.

Таким образом, статус подозреваемого представляет собой промежуточное процессуальное положение, предшествующее привлечению лица в качестве обвиняемого. Данное процессуальное положение служит механизмом первичной правовой реакции государства на полученные сведения о возможном совершении преступления и используется для установления фактических обстоятельств, подтверждающих или опровергающих первоначальное подозрение. По результатам такой проверки подозреваемый либо приобретает статус обвиняемого, либо уголовное преследование в отношении него прекращается по реабилитирующему или нереабилитирующему основаниям.

Авторы О.Х. Штымова, И.Д. Мальцагов в своем исследовании обобщают особенности становления и формирования процессуального статуса подозреваемого в российском уголовном процессе:

- «институт прав и свобод подозреваемого прошел путь исторического развития, однако ввиду различного подхода власти к исследуемому понятию единой концепции в отношении регулирования статуса подозреваемого выработано не было;
- исторически в контексте уголовно-процессуального права фигуры подозреваемого и обвиняемого были близки, а на некоторых этапах развития данного института даже тождественны;
- определяющим в наделении лица статусом подозреваемого являлась не материальная часть (т.е. наличие достаточных оснований полагать, что подозреваемый совершил преступление), а процессуальная, в частности, применение к лицу мер уголовно-процессуального характера» [40, с. 235-236].

Учитывая изложенное, можно утверждать, что правовой статус подозреваемого характерен исключительно для досудебной стадии

уголовного судопроизводства и утрачивается по мере перехода к стадии предъявления обвинения либо прекращения дела.

Многие процессуалисты-исследователи, сравнивающие процессуальные статусы обвиняемого и подозреваемого, заявляют о том, что подозреваемый – это своеобразная «промежуточная» процессуальная фигура. Видится, что данная позиция не совсем корректно в реалиях современного уголовного судопроизводства отражает сущность такого участника, как подозреваемый, принижая его значение. На основании действующего законодательства и сложившейся правоприменительной практики в обществе считается, что получить статус подозреваемого, при котором у органа расследования имеется только предположение о совершении лицом преступления, «менее опасно» и «менее существенно», чем приобрести статус обвиняемого, при котором орган расследования уверен в том, что расследуемое преступление совершено именно этим лицом.

Комплексный же подход к анализу уголовно-процессуального закона свидетельствует, что в настоящее время отличия данных процессуальных статусов не столь значительны. Перечень предоставляемых лицу прав при приобретении процессуального статуса подозреваемого практически идентичен комплексу прав, предоставляемых обвиняемому на стадии предварительного расследования (ст. 46, 47 УПК РФ).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что процессуальное положение подозреваемого в уголовном процессе представляет собой правовую конструкцию, характеризующуюся рядом специфических особенностей. Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства и доктринальных подходов к определению статуса подозреваемого свидетельствует о том, что данный участник уголовного судопроизводства занимает особое место в системе уголовно-процессуальных отношений, выступая в качестве самостоятельного субъекта, находящегося на начальной стадии уголовного преследования.

1.2 Нормативное регулирование статуса подозреваемого в российском и международном уголовно-процессуальном законодательстве

Процессуальное закрепление статуса подозреваемого направлено на реализацию важнейшего конституционного права – права на защиту. Конституция Российской Федерации, а также нормы международного права, включая статьи Европейской конвенции по правам человека, Всеобщую декларацию прав человека и Международный пакт о гражданских и политических правах, провозглашают это право, как безусловную юридическую гарантию для каждого человека, в отношении которого инициировано уголовное преследование.

В российском контексте данное право детализировано в ст. ст. 17, 45, 46, 48 и 123 Конституции, обеспечивая подозреваемому не только юридическое признание статуса, но и возможность пользоваться помощью защитника, обращаться в суд, участвовать в доказывании, обжаловать действия должностных лиц и защищать свои интересы в условиях процессуального принуждения.

Так, к примеру ст. 48 гласит, что каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно [15].

Многие учёные-процессуалисты подчёркивают, что современное понимание института подозреваемого и его правового статуса окончательно сформировалось именно после принятия УПК РФ в 2001 г. До этого момента законодательство не содержало чёткого и системного регулирования данного процессуального положения. В частности, советский УПК РСФСР 1960 г. не давал полноценного определения подозреваемого как самостоятельного участника уголовного судопроизводства, а его права и обязанности регулировались фрагментарно, часто сводясь к минимальному набору процедурных гарантий.

С принятием нового УПК РФ в 2001 г. фигура подозреваемого получила нормативное закрепление в ст. 46. Согласно ч.1 ст. 46 подозреваемым признается лицо:

- либо в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, которые установлены главой 20 УПК РФ;
- либо которое задержано в соответствии со статьями 91 и 92 УПК РФ;
- либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со статьей 100 УПК РФ;
- либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном статьей 223.1 УПК РФ [36].

Таким образом, статус подозреваемого формализовался как акт государства в лице органов расследования, означающий наличие у правоохранителей обоснованного подозрения в причастности лица к совершению преступления.

Также правовой статус подозреваемых и обвиняемых был закреплен в ст. 6 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Согласно ст. 6 закона, подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений считаются невиновными, пока их виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Они пользуются правами и свободами и несут обязанности, установленные для граждан Российской Федерации, с ограничениями, предусмотренными настоящим Федеральным законом и иными федеральными законами [37].

Несмотря на то, что подозреваемый или обвиняемый может содержаться под стражей, лишаться свободы передвижения и подвергаться другим мерам процессуального принуждения, его правосубъектность сохраняется в полном объёме – он остаётся полноправным участником общественных и юридических отношений.

Норма также распространяет аналогичный правовой режим на иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся под стражей на территории РФ. Они пользуются теми же правами, что и граждане России, если иное не предусмотрено Конституцией, федеральными законами или международными договорами Российской Федерации. Данное положение отражает международные обязательства РФ в сфере соблюдения прав человека и принципов недискриминации.

Завершающее положение статьи направлено на исключение дискриминации по любым признакам: не допускается дискриминация подозреваемых и обвиняемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также по иным обстоятельствам [37].

Ключевым нормативным актом, регулирующим действия сотрудников органов внутренних дел при задержании подозреваемых, является Приказ МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389 «Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан». Документ устанавливает порядок организации работы дежурных частей и алгоритм действий сотрудников полиции при задержании лиц, подозреваемых в совершении преступлений. Согласно п. 20 Приказа № 389, «дежурная часть обязана обеспечить незамедлительное уведомление защитника и близких родственников задержанного о факте его доставления» [28]. Данное положение корреспондирует с ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации, гарантирующей право на квалифицированную юридическую помощь, и ч. 3 ст. 46 УПК РФ, обязывающей уведомлять родственников или близких лиц подозреваемого о его задержании.

Кроме того, Приказ № 389 требует ведения журнала учета доставленных лиц с фиксацией времени доставления и освобождения, что направлено на предотвращение произвольного задержания и соответствует ч. 2 ст. 22

Конституции Российской Федерации, запрещающей содержание под стражей без судебного решения более 48 часов.

Дополнительно регулирование статуса подозреваемого осуществляется через Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях». Приказ № 205 определяет порядок первоначального реагирования на сообщения о преступлениях, включая регистрацию заявлений и проведение проверок, что напрямую влияет на процессуальный статус лица, подозреваемого в совершении преступления. Согласно пункту 12 Приказа № 205, «регистрация сообщений о преступлениях осуществляется круглосуточно, а решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении принимается в сроки, установленные статьей 144 УПК РФ» [29]. Данное положение обеспечивает оперативность и законность процессуальных действий в отношении подозреваемых.

Значимую роль в обеспечении прав, подозреваемых играет Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина». Документ устанавливает порядок осуществления прокурорского надзора за соблюдением прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, включая подозреваемых. Согласно п. 2.1 Приказа № 195, прокуроры обязаны «осуществлять надзор за законностью и обоснованностью применения мер процессуального принуждения, включая задержание, а также за соблюдением прав граждан на защиту» [30]. Особое внимание уделяется предотвращению недозволенных методов ведения следствия, что соответствует части 2 ст. 21 Конституции Российской Федерации, запрещающей применение пыток, насилия и иного

жестокого обращения, а также статье 9 УПК РФ, устанавливающей запрет на унижающее достоинство обращение с участниками уголовного процесса.

Вопрос о дальнейшем развитии института подозреваемого в России напрямую связан с международными обязательствами государства. Российская Федерация является участником Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также Международного пакта о гражданских и политических правах. Решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) оказывают существенное влияние на формирование правоприменительной практики и развитие законодательства.

К числу международных актов, которые признают право на защиту, относятся Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), где в ст. 14 указано, что все лица равны перед судами и трибуналами. Каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, или при определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе, на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Каждый имеет право при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником, быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника [18].

Международный пакт о гражданских и политических правах также устанавливает презумпцию невиновности. Здесь указано, что каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно закону. Данный принцип распространяется и на статус подозреваемого, создавая дополнительные гарантии защиты его прав.

Следовательно, нормы Пакта имеют прямое отношение к регулированию статуса подозреваемого, поскольку многие из закрепленных в нем прав начинают действовать уже на стадии подозрения.

В целом, зарубежные правовые системы демонстрируют различные подходы к закреплению статуса подозреваемого и объёму предоставляемых ему гарантий. В странах континентальной Европы, таких как Германия и Франция, защита подозреваемого носит ярко выраженный акцент на обеспечении равенства сторон и недопущении нарушения прав личности на ранней стадии расследования. Так, в Германии статус подозреваемого (*Beschuldigter*) закрепляется с момента, когда орган дознания или следователь начинает подозревать лицо в совершении конкретного преступления и уведомляет его об этом. Подозреваемый обладает правом молчания (*Schweigerecht*), а также правом на помощь адвоката с момента первого допроса. Кроме того, законодательство Германии предусматривает возможность ознакомиться с материалами дела на более раннем этапе, что позволяет более эффективно строить линию защиты. Во Франции аналогично действует режим *mise en examen* (статус лица, официально поставленного под следствие), который предоставляется после формального уведомления судом. Подозреваемый сразу наделяется правами на защиту, включая право на присутствие адвоката при допросах, а также право на оспаривание мер пресечения. Стоит отметить, что французская модель активно использует институт судебного контроля даже на досудебной стадии. В ангlosаксонской системе (например, в Великобритании и США) ключевую роль играет принцип *habeas corpus*, обеспечивающий право на судебную проверку законности задержания в кратчайшие сроки. В США подозреваемый имеет право на уведомление о своих правах («права Миранды») сразу после фактического лишения свободы, включая право хранить молчание и право на адвоката. Данные элементы существенно ограничивают произвол следственных органов и формируют более строгие процессуальные рамки.

Особый интерес представляет опыт скандинавских стран, где традиционно сильны принципы транспарентности и защиты прав личности. В Швеции, например, подозреваемый получает право на защитника не только во время допроса, но и при проведении других следственных действий, что создает более полную систему процессуальных гарантий. Норвежская модель

предусматривает обязательное участие защитника при допросе несовершеннолетних подозреваемых, а также в случаях, когда лицу грозит наказание в виде лишения свободы свыше определенного срока.

Канадская правовая система демонстрирует интересный подход к информированию подозреваемого о его правах через институт Charter warnings, который требует от правоохранительных органов не только уведомить лицо о его правах, но и убедиться в том, что оно их понимает, что создает дополнительные процедурные требования и повышает ответственность следственных органов за соблюдение прав подозреваемого.

Австралийская система уделяет особое внимание защите прав коренных народов и лиц с ограниченными возможностями, предусматривая специальные процедуры уведомления и обеспечения правовой помощи для этих категорий подозреваемых, что свидетельствует о том, что современное понимание статуса подозреваемого включает не только формальное закрепление прав, но и обеспечение их реальной реализации с учетом особенностей различных категорий лиц.

В заключении сделан вывод, что подозреваемый является самостоятельным субъектом уголовного судопроизводства, обладающим специфическим комплексом прав и обязанностей, которые обеспечивают защиту его личных интересов на досудебной стадии уголовного процесса.

Исторический анализ развития института подозреваемого в российском уголовном процессе свидетельствует о постепенном расширении процессуальных гарантий и укреплении правового статуса данного участника уголовного судопроизводства. Принятие УПК РФ 2001 г. стало качественным скачком в развитии правового регулирования статуса подозреваемого, поскольку впервые в российской правовой системе был закреплен исчерпывающий перечень оснований для признания лица подозреваемым и детально регламентирован объем его прав и обязанностей.

Согласно УПК РФ, подозреваемым признается лицо: либо в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, которые установлены главой 20 УПК РФ, либо которое задержано в соответствии со

статьями 91 и 92 УПК РФ, либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со статьей 100 УПК РФ, либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном статьей 223.1 УПК РФ.

Современное нормативное регулирование статуса подозреваемого в российском уголовно-процессуальном законодательстве базируется на конституционных принципах и международных стандартах защиты прав человека.

Сравнительный анализ международного уголовно-процессуального законодательства показывает, что независимо от типа правовой системы наблюдается общая тенденция к расширению процессуальных гарантий подозреваемого и усилению контроля за деятельностью органов предварительного расследования. При этом конкретные механизмы реализации этих принципов могут существенно различаться в зависимости от национальных особенностей правовой системы, исторических традиций и социально-культурных факторов. Данный опыт может быть использован при совершенствовании российского уголовно-процессуального законодательства с учетом специфики отечественной правовой системы и требований международных стандартов.

Глава 2 Процессуальные права и обязанности подозреваемого в уголовном процессе

2.1. Основания признания лица подозреваемым по УПК РФ

Основания признания лица подозреваемым, закрепленные в ст. 46 УПК РФ, включают четыре юридических факта, такие как возбуждение уголовного дела в отношении лица, его задержание по подозрению в совершении преступления, применение меры пресечения до предъявления обвинения и уведомление о подозрении в совершении преступления. Данные основания формируют правовую основу для наделения лица процессуальным статусом подозреваемого, предоставляя ему права, предусмотренные законодательством, включая право на защиту.

Одним из ключевых оснований признания лица подозреваемым является возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ. Данное основание позволяет наделить лицо статусом подозреваемого на ранней стадии уголовного процесса, что, по мнению ряда ученых, способствует реализации его прав.

Как отмечает Х.Г. Дацнева, ссылаясь на позицию О.А. Зелениной, «указанное основание признания лица подозреваемым позволяет, своевременно придав лицу соответствующий статус, дать ему возможность реализовать свои права в качестве подозреваемого, в т.ч. право на защиту» [9, с. 127]. Данное положение подчеркивает важность своевременного предоставления процессуального статуса для обеспечения гарантий защиты личности.

Однако ряд исследователей выражают сомнения в универсальности данного основания. Как указывают в своем исследовании Х.Г. Дацнева, ссылаясь на труды О.А. Зайцева и П.А. Смирнова, «первый же акт не может ставить лицо в положение подозреваемого, т. к. постановление о возбуждении дела выносится до исследования обстоятельств, послуживших основанием к возбуждению уголовного дела. После первых же следственных действий

может оказаться, что расследование нужно вести в отношении другого лица, а непричастное к делу лицо окажется названным как подозреваемое» [9, с. 128].

Более того, указание конкретного лица в постановлении о возбуждении уголовного дела зависит от усмотрения должностного лица, что, по мнению тех же авторов, может привести к неполному или неточному отражению фактических обстоятельств дела, ослабляя обоснованность принятого решения [9, с. 128].

Другим важным основанием является задержание лица по подозрению в совершении преступления, регламентированное ст. 91 и ст. 92 УПК РФ. Согласно ст. 91, задержание возможно, если лицо застигнуто при совершении преступления, указано потерпевшими или очевидцами как совершившее преступление, либо на нем обнаружены явные следы преступления. После доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания, в котором делается отметка о том, что подозреваемому разъяснены права, предусмотренные ст. 46 УПК РФ [36].

А.А. Шишков обращает внимание на проблему определения момента приобретения статуса подозреваемого при задержании, отмечая, что «законодатель неоднозначно трактует момент приобретения лицом статуса подозреваемого. Когда следует считать лицо задержанным: с момента фактического задержания или после составления протокола задержания, то есть процессуального оформления факта задержания. С одной стороны, закон говорит о том, что доставляется в орган дознания или к следователю уже подозреваемый, т.е. лицо, наделенное всеми правами, перечисленными в ст. 46 УПК. С другой, – определяя момент фактического задержания, закон называет лицо, фактически лишенное свободы передвижения, не подозреваемым, а лицом, подозреваемым в совершении преступления» [39, с. 184]. Все это создает правовую неопределенность, поскольку лицо, фактически лишенное свободы, не всегда признается подозреваемым до составления протокола. Данная неопределенность может повлиять на реализацию прав задержанного, включая право на защиту и своевременное уведомление о подозрении.

Проблема правового статуса лица, освобожденного из-под стражи, также вызывает дискуссии. Согласно ст. 94 УПК РФ, подозреваемый подлежит освобождению, если подозрение не подтвердилось, отсутствуют основания для применения меры пресечения, либо задержание было произведено с нарушением закона. Конституционный Суд РФ разъясняет, что освобождение по основанию неподтверждения подозрения свидетельствует о фактической непричастности лица к преступлению, что должно сопровождаться вынесением постановления о прекращении уголовного преследования.

Однако А.А. Шишков критикует необходимость дублирования процессуальных решений, утверждая, что вынесение постановления об освобождении подозреваемого из-под стражи в связи с неподтверждением подозрения должно быть достаточным для признания лица непричастным к преступлению [39, с. 186]. Автор подчеркивает необходимость упрощения процедуры изменения статуса подозреваемого для повышения эффективности уголовного судопроизводства.

Применение меры пресечения до предъявления обвинения, предусмотренное п.3 части 1 ст.46 УПК РФ, также является основанием признания лица подозреваемым.

Однако, как отмечает А.А. Шишков, этот механизм не всегда применим в отсутствие лица, так как «этот вариант придания лицу статуса подозреваемого с последующим объявлением его в розыск не совсем комфортный для этих целей, поскольку, во-первых, не все меры пресечения можно применить при отсутствии адресата, во-вторых, срок применения ограничен десятью сутками, которых, порой, не хватает для отыскания лица» [39, с. 186]. Ограничение сроков снижает эффективность данного основания в ситуациях, когда лицо уклоняется от следствия, что требует дополнительных законодательных решений.

Уведомление о подозрении в совершении преступления, введенное Федеральным законом от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ, представляет собой также основание, применяемое в рамках дознания. В.В. Кальницкий высоко

оценивает этот институт, говоря, что это «прекрасная процессуальная форма обеспечения прав преследуемых лиц знать, в чём существо притязаний к ним, давать по этому поводу показания и защищаться иными предусмотренными возможностями» [13, с. 61].

Аналогичную позицию занимает А.А. Тушев, подчеркивая, что уведомление обеспечивает «точную фиксацию юридических фактов в уголовном судопроизводстве, что важно для определения момента приобретения статуса подозреваемого и соответствующих прав» [35, с. 63].

Однако К.В. Муравьев указывает на ограниченность этого основания, отмечая, что оно «призвано обеспечить возможность заподозренным лицам своевременно получать права, позволяющие в ходе дознания полноценно защищаться» [19, с. 16], но применимо только в рамках дознания, что снижает его универсальность

Авторы В.М. Быков, А.А. Терегулова выражают более радикальное мнение, говоря, что «мы же придерживаемся противоположного мнения относительно новой процедуры уведомления лица о подозрении в совершении преступления. А в таком половинчатом решении законодателя при принятии новой процессуальной формы придания лицу статуса подозреваемого видим его внутреннюю неуверенность в необходимости принятой им новеллы в связи как раз с серьезными недостатками этой процессуальной формы. Еще один вопрос возникает в связи с такими противоречиями в уведомлении лица о подозрении в совершении преступления, как указание в законе на различное время, в течение которого подозреваемый может быть допрошен. Так, например, подозреваемый, задержанный в порядке ст. 91 УПК РФ, должен быть допрошен следователем и дознавателем не позднее 24 часов с момента его фактического задержания. А вновь введенная законодателем ч. 1 ст. 223-1 УПК РФ предусматривает, что дознаватель должен допросить подозреваемого по существу подозрения в течение 3 суток с момента вручения лицу уведомления о подозрении в совершении преступления» [5, с. 197].

Кроме того, В.В. Демирчян подчеркивает, что уведомление «не имеет правового значения как протокол или постановление, он лишь ставит в

известность лица о том, что оно находится под подозрением. Это подтверждается и тем, что при вручении копии уведомления составляется протокол с отметкой о вручении и с разъяснением прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ. Анализируя нормы УПК РФ, можно сделать вывод о том, что уведомление – это не самостоятельный процессуальный документ, а лишь средство, служащее способом доведения определенной информации, содержащейся в процессуальных документах» [11, с. 195].

Критический анализ уведомления о подозрении выявляет его сходство с процедурой предъявления обвинения.

Как отмечают В.М. Быков и А.А. Терегулова, «основания уведомления, содержание и формы этого решения очень сходны с аналогичными аспектами привлечения в качестве обвиняемого» [5, с. 195], что вызывает вопрос о необходимости существования уведомления как отдельного института, поскольку более логичным представляется расширение применения предъявления обвинения в рамках дознания.

Научные дискуссии также касаются необходимости расширения перечня оснований признания лица подозреваемым.

А.П. Аверченко предлагает считать лицо подозреваемым с момента официального объявления о подозрении, фиксируемого в различных процессуальных документах, включая протокол допроса или постановление о производстве обыска [1, с. 60].

Однако М.С. Стrogович возражает против расширения оснований, указывая, что это может привести к чрезмерному количеству подозреваемых, что нарушит их права из-за недостатка процессуальных гарантий [34, с. 114].

В.Н. Григорьев также выступает против, считая, что статус подозреваемого может нанести ущерб репутации лица, если подозрение не подтвердится [6, с. 66].

В заключение, основания признания лица подозреваемым, закрепленные в ст. 46 УПК РФ, нуждаются в дальнейшем совершенствовании. Возбуждение уголовного дела, задержание, применение меры пресечения и уведомление о

подозрении не всегда обеспечивают своевременное и обоснованное наделение лица процессуальным статусом.

2.2 Процессуальные права и обязанности подозреваемого

В целях обеспечения подозреваемому процессуальной возможности защиты от уголовного преследования этот участник уголовного судопроизводства наделен весьма широким комплексом процессуальных возможностей.

Ю.Б. Чупилкин под процессуальными гарантиями подозреваемого предлагает понимать «предусмотренный уголовно-процессуальным законом порядок (режим) вовлечения гражданина в уголовный процесс в качестве подозреваемого, совокупность прав на защиту в стадии предварительного расследования, а также деятельность органов дознания, следователя, прокурора и суда по реализации права подозреваемого на защиту. Обеспечение права подозреваемого на защиту выражается в комплексе действий органа дознания, следователя, прокурора и суда, заключающемся в объявлении и разъяснении в совершении какого преступления лицо подозревается, в объявлении и разъяснении прав и обязанностей подозреваемого, в создании условий их реализации, в выполнении соответствующих своих обязанностей, корреспондирующих с соответствующими правами подозреваемого» [38, с. 6].

Согласно ч. 4 ст. 46 УПК РФ он вправе:

- знать, в чем он подозревается, и получить копию постановления о возбуждении уголовного дела, либо копию протокола задержания, либо копию постановления о применении к нему меры пресечения;
- давать объяснения и показания по поводу, имеющегося в отношении его подозрения, либо отказаться от дачи объяснений и показаний. При согласии подозреваемого дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при его

последующем отказе от этих показаний, за исключением случая, предусмотренного пунктом 1 части второй статьи 75 УПК РФ;

- пользоваться помощью защитника с момента, предусмотренного пунктами 2-3.1 части третьей статьи 49 УПК РФ, и иметь свидание с ним наедине и конфиденциально до первого допроса подозреваемого.
- представлять доказательства;
- заявлять ходатайства и отводы;
- давать показания и объяснения на родном языке или языке, которым он владеет;
- пользоваться помощью переводчика бесплатно;
- знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания;
- участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству, ходатайству его защитника либо законного представителя;
- приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда;
- защищаться иными средствами и способами, не запрещенными УПК РФ.

Также, «подозреваемому предоставляется право на один телефонный разговор на русском языке в присутствии дознавателя, следователя в целях уведомления близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения, а дознаватель, следователь должен исполнить обязанности по уведомлению о задержании в соответствии со ст. 96 УПК РФ» [36].

Анализ положений части 4 ст. 46 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что подозреваемый наделён полноценным и широким спектром процессуальных прав, направленных на обеспечение его законных интересов

и защиту от необоснованного уголовного преследования. Права охватывают как информационную составляющую, так и механизмы активной защиты.

Между тем, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 играет фундаментальную роль в формировании практики обеспечения права на защиту, в том числе и для подозреваемого. В тексте постановления четко подчеркивается, что обеспечение права на защиту является одним из принципов уголовного судопроизводства, действующих во всех его стадиях. В силу этого правом на защиту обладают: лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ; подозреваемый; обвиняемый; подсудимый; осужденный; оправданный; лицо, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительных мер медицинского характера; несовершеннолетний, к которому применена принудительная мера воспитательного воздействия; лицо, в отношении которого уголовное дело (далее - дело) или уголовное преследование прекращено; лицо, в отношении которого поступил запрос или принято решение о выдаче; а также любое иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица [25].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 22 внесло важные корректизы в разъяснения судебной практики по вопросам, касающимся прав и процессуального положения подозреваемого. Так в Постановлении указана необходимость разъяснить судам, что помимо постановлений дознавателя, следователя и руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела и о прекращении уголовного дела судебному обжалованию в соответствии с частью 1 статьи 125 УПК РФ подлежат иные решения и действия (бездействие) должностных лиц, принятые (совершенные) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, если они способны причинить ущерб конституционным правам и свободам

участников уголовного судопроизводства или иных лиц, чьи права и законные интересы нарушены, либо могут затруднить доступ граждан к правосудию. К иным решениям и действиям (бездействию), способным причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, следует относить, например: постановления дознавателя, следователя и руководителя следственного органа о возбуждении уголовного дела, об избрании и о применении к подозреваемому, обвиняемому мер процессуального принуждения, за исключением тех, которые применяются по решению суда, об объявлении подозреваемого, обвиняемого в розыск, об отводе защитника [24].

Таким образом, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 22 расширило пределы судебного контроля за действиями и решениями органов предварительного расследования. Одним из ключевых выводов, вытекающих из данного акта, является признание того факта, что подозреваемый нуждается в полноценной и своевременной защите не только от формально незаконных действий, но и от любого вмешательства, способного затронуть его конституционные права и свободы. Указанное постановление отражает тенденцию к усилению правового статуса подозреваемого, превращая его из формально временной фигуры в полноправного участника уголовного судопроизводства

Между тем, процессуальное законодательство выделяет специфические категории подозреваемых, такие как несовершеннолетние (ст. 425 УПК РФ), лица с психическими расстройствами, лица, подозреваемые в экономических преступлениях.

При этом Л.В. Попова, Ю.В. Третьяков отмечают, что «Закон определяет некоторые особенности в процессуальном положении отдельных категорий подозреваемых: допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого не может продолжаться без перерыва более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день. Законный представитель такого подозреваемого присутствует при допросе, обязательно участие психолога или педагога. Задержание несовершеннолетнего в порядке ст. 91 УПК РФ возможно лишь

по преступлению, максимальное наказание по которому в санкции статьи превышает 5 лет лишения свободы. Подозреваемый, страдающий психическим заболеванием, в судебном порядке может быть помещен в стационарную психиатрическую медицинскую организацию. Ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может подать лишь подозреваемый в преступлении, подследственном следователю, уголовное дело в отношении него выделяется в отдельное производство. Подозреваемый в преступлении экономической направленности имеет возможность удостоверить предпринимательские интересы путем встречи с нотариусом в месте его содержания. Закон не ограничивает количество и продолжительность таких встреч, однако в период пандемии COVID-19 эту возможность реализовать практически не представляется возможным в связи с карантинными мерами в ИВС и СИЗО. В действующем УПК РФ предусмотрено приостановление расследования и в отношении подозреваемого, в том числе из-за невозможности его участия в процессе» [23, с. 85].

Рассматривая вопрос процессуальных обязанностей подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве, необходимо обратить внимание на существенную особенность действующего уголовно-процессуального законодательства. В отличие от других участников уголовного процесса, например, потерпевшего, законодатель не закрепил четко определенные обязанности подозреваемого.

Тем не менее, детальный анализ уголовно-процессуального законодательства позволяет выявить, что процессуальные обязанности подозреваемого все же просматриваются в различных нормах УПК РФ, хотя и в разрозненном виде. Среди наиболее важных обязанностей можно выделить несколько ключевых групп.

Так можно выделить обязанность своевременно являться по вызову дознавателя и следователя, которая закреплена в частях 2 ст. 112, 4 ст. 172 и ч. 3 ст. 188 УПК РФ. Неисполнение данной обязанности может повлечь применение мер процессуального принуждения.

Вместе с тем, подозреваемый обязан соблюдать ограничения, установленные при избрании меры пресечения, что регламентируется статьями 97-110 УПК РФ. Данная обязанность является производной от института мер пресечения и направлена на обеспечение надлежащего поведения подозреваемого в ходе предварительного расследования. Нарушение этой обязанности может привести к изменению меры пресечения на более строгую.

Также подозреваемый должен предоставлять по требованию следователя или дознавателя образцы для сравнительного исследования, что установлено частью 3 ст. 202 УПК РФ. Обязанность связана с необходимостью проведения экспертных исследований и является важным элементом процесса доказывания.

В то же время подозреваемый обязан подчиниться постановлению об освидетельствовании согласно части 2 ст. 179 УПК РФ. Данная обязанность направлена на обеспечение возможности получения доказательств путем проведения освидетельствования и является одним из проявлений принципа объективности расследования.

Современные исследователи выделяют также дополнительные обязанности подозреваемого, которые хотя и не получили прямого законодательного закрепления, но вытекают из логики уголовно-процессуальных отношений. Среди общих обязанностей выделяют такие как:

- являться по вызовам дознавателя, следователя, прокурора и суда;
- соблюдать порядок судебного заседания и производства следственного действия;
- соблюдать избранную меру процессуального принуждения;
- выполнять требования и распоряжения должностных лиц.

Кроме того, предлагается закрепление специальных обязанностей подозреваемого, которые отражают специфику его правового положения в уголовном процессе. В качестве таких обязанностей рассматриваются такие как:

- не продолжать преступную деятельность;
- не использовать запрещенные законом способы и средства защиты;
- не разглашать данные предварительного расследования при соответствующем предупреждении;
- давать правдивые показания при отказе от использования права на молчание.

Отсутствие четкого законодательного закрепления обязанностей подозреваемого создает серьезные проблемы в правоприменительной практике.

По мнению авторов Л.В. Попова, Ю.В. Третьякова, «зачастую правоприменители сталкиваются с проблемами практического исполнения положений института подозреваемого. Действующий УПК РФ содержит неточности и упущения в вопросах правового положения подозреваемого, реализации его законных интересов, определения процессуального момента приобретения лицом статуса подозреваемого, а также детализации отдельных направлений этого института. На наш взгляд, задачей законодателя является формулирование в УПК РФ максимально отвечающего потребностям практики регламента приобретения статуса подозреваемого, осуществления процессуальных действий и иных мероприятий с этим участником. И это понимание нормативного регулирования процессуального положения подозреваемого у разработчиков законопроектов присутствует, поскольку они периодически вносят и дополняют нормы УПК РФ, касающиеся института подозреваемого» [23, с. 83].

Соглашаясь с данным мнением, можно добавить, что обозначенные проблемы действительно указывают на системную необходимость уточнения и конкретизации процессуального статуса подозреваемого, поскольку от его правильного нормативного оформления зависит как защита прав личности на ранней стадии уголовного преследования, так и легитимность самого процесса. Совершенствование института подозреваемого должно опираться не только на формальную систематизацию норм, но и на принцип приоритета

прав личности, обеспечивая равновесие между интересами правопорядка и защитой индивидуальных прав.

Анализ судебной практики по теме исследования позволяет выявить основные элементы реализации прав и гарантий подозреваемого, а также проблемы, возникающие в правоприменении.

Первым делом проанализировано Дело «Митягин и Леонов против России», рассмотренное Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ) 7 мая 2019 г. (жалобы № 11436/06 и 22912/06), касательно жалоб двух граждан России, Александра Митянина и Михаила Леонова, на нарушения их прав в ходе уголовного преследования по обвинению в создании преступного сообщества (ст. 210 УК РФ).

Заявители, находившиеся в статусе подозреваемых, а затем обвиняемых, утверждали, что их содержание под стражей в определенные периоды было незаконным (нарушение ст. 5 ЕКПЧ), а Митягин дополнительно жаловался на нарушение права на уважение частной жизни (ст. 8 ЕКПЧ).

Жалоба Митянина на публикацию в «Коммерсанте» касается статьи от 25 декабря 2003 года, где были опубликованы его фотография и утверждения о причастности к созданию преступного сообщества, включая организацию заказных убийств. Статья основывалась на пресс-релизе Следственного комитета при МВД России, содержала достоверные сведения о возбуждении уголовного дела и подозрениях, но не указывала на наличие обвинительного приговора. Российские власти утверждали, что публикация преследовала цель информирования общественности о расследовании и сборе дополнительных доказательств, а фотография была получена законно в ходе следствия.

ЕСПЧ, рассматривая жалобу, признал, что защита частной жизни по ст. 8 ЕКПЧ должна идти параллельно со свободой выражения мнений (ст. 10 ЕКПЧ) и счел, что публикация содержала правдивую информацию о подозрении, а использование фотографии было оправдано общественным интересом и необходимостью следствия, не нарушая права Митянина, так как он уже находился под стражей и его личность была известна в контексте дела.

Однако здесь стоит отметить отдельное мнение судьи Винсента Де Гаэтано, мальтийского юриста и председателя Третьей секции ЕСПЧ, который акцентирует внимание на тонкой грани между правом подозреваемого на уважение частной жизни и свободой слова СМИ. Судья не согласился с выводом большинства членов, что публикация не нарушила ст.8 ЕКПЧ, указав на необходимость более осторожного подхода к освещению уголовных дел на стадии предварительного расследования.

Де Гаэтано подчеркнул, что существует разница между «утверждением» о подозрении лица в совершении преступления и «четким утверждением» о его виновности в отсутствие обвинительного приговора и отметил, что журналисты должны проявлять особую осмотрительность, учитывая, что « рядовому читателю» сложно различить юридические нюансы между подозрением и установленной виной. Публикация, даже содержащая правдивые сведения о расследовании, могла создать у читателей ложное впечатление о фактической виновности Митянина, особенно из-за использования его фотографии, что усилило негативное восприятие. Судья указал, что такие публикации могут нанести непоправимый ущерб репутации подозреваемого, чья вина еще не доказана, и что государство обязано обеспечивать защиту прав подозреваемых от подобных последствий, особенно в условиях публичного интереса к громким делам. Де Гаэтано также обратил внимание на то, что фотография, хотя и получена законно, была частной, и ее публикация без согласия Митянина усугубила вмешательство в его частную жизнь, не будучи строго необходимой для целей следствия.

Таким образом, мнение судьи выявило проблему отсутствия четких стандартов в российском законодательстве и практике, регулирующих публикацию сведений о подозреваемых, особенно в делах, связанных с организованной преступностью. Использование пресс-релиза Следственного комитета как основы для статьи поднимает вопрос о роли государства в распространении информации о подозреваемых, что может косвенно нарушать их права, если не сопровождается мерами защиты их репутации. Мнение Де Гаэтано подчеркивает, что процессуальное положение

подозреваемого требует не только соблюдения формальных прав, таких как доступ к адвокату или право на молчание, но и защиты от публичного осуждения до вынесения приговора [10].

Следующим рассмотрен приговор Дальнереченского районного суда Приморского края от 29 октября 2024 г. по делу № 1-173/2024, который касается уголовного дела в отношении ФИО2, обвиняемого в покушении на умышленное уничтожение чужого имущества путем поджога (ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 167 УК РФ).

Приговор признает ФИО2 виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 167 УК РФ, а именно в покушении на умышленное уничтожение чужого имущества путем поджога, повлекшем бы значительный ущерб, если бы преступление не было предотвращено по независящим от него обстоятельствам. ФИО2, находясь в состоянии алкогольного опьянения в ночь с 3:00 до 5:40 часов, на почве ревности к своей сожительнице, решил поджечь жилое помещение, где проживали потерпевшая ФИО1 и свидетель № 2, используя бутылки с бензином и тканью. Он дважды бросал зажженные бутылки в сторону дома, но возгорание было локализовано жильцами, что предотвратило уничтожение имущества. Ущерб, который мог быть причинен, оценивался в 262754 рубля 41 копейку для муниципальной собственности и 14763 рубля для имущества ФИО1, что признано значительным. ФИО2 признал вину полностью, дал признательные показания на стадии следствия в присутствии адвоката, подал явку с повинной и в суде подтвердил свои действия, отказавшись от дачи показаний, ссылаясь на ст. 51 Конституции РФ. Суд квалифицировал его действия как покушение, учел смягчающие обстоятельства (явка с повинной, раскаяние, активное способствование расследованию) и отягчающее обстоятельство (состояние алкогольного опьянения), назначив наказание в виде 1 года 4 месяцев лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год. Процессуальные издержки, включая оплату труда адвоката, отнесены за счет федерального бюджета, так как дело изначально рассматривалось в особом порядке по ходатайству ФИО2, но было переведено в общий порядок по инициативе обвинения.

Здесь процессуальное положение подозреваемого проявляется через реализацию его прав, закрепленных в УПК РФ, таких как право на защитника, которое обеспечивалось присутствием адвоката при следственных действиях, право не свидетельствовать против себя, использованное в суде, право на меру пресечения, не связанную с лишением свободы (подписка о невыезде). Явка с повинной и признательные показания, данные в присутствии адвоката, подчеркивают активное взаимодействие подозреваемого с органами следствия, что повлияло на смягчение наказания. Дело иллюстрирует, как процессуальный статус подозреваемого определяет его поведение на стадии расследования и влияет на исход дела, включая квалификацию преступления как неоконченного и учет смягчающих обстоятельств. Суд также рассмотрел состояние здоровья ФИО2, установив легкую умственную отсталость, но признал его вменяемым, что подтверждает соблюдение процессуальных гарантий при оценке психического состояния подозреваемого. Использование ст. 51 Конституции РФ в суде подчеркивает осведомленность ФИО2 о своих правах, вероятно, благодаря участию адвоката, что является ключевым элементом процессуального положения подозреваемого. Отнесение процессуальных издержек на бюджет, а не на подсудимого, также связано с первоначальным ходатайством об особом порядке, что защищает подозреваемого от дополнительных финансовых обременений [27].

Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2024), утвержденный 29 мая 2024 г., дополняет предыдущий пример конкретным случаем нарушения права подозреваемого на защиту (Определение № 18-УД22-20-К4). В этом деле кассационный суд рассмотрел жалобу подозреваемого без его участия, несмотря на его ходатайство о личном присутствии, что было признано нарушением статей 7 и 401.14 УПК РФ [8]. Верховный Суд отменил решение, указав, что игнорирование ходатайства лишило подозреваемого возможности защищать свои интересы. Данный случай подчеркивает право подозреваемого на участие в судебных разбирательствах как ключевой элемент его процессуального положения. Особенностью является акцент на значимости личного участия в

кассационной стадии, где проверяется законность решений. Выводы показывают, что нарушение права на участие подрывает принцип состязательности, а активная позиция Верховного Суда усиливает защиту прав подозреваемого, требуя от судов строгого соблюдения процессуальных гарантий [20].

Далее рассмотрено Определение Конституционного Суда РФ от 28 марта 2017 г. № 668-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фленова Ильи Валерьевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которое касается жалобы гражданина, осужденного за преступление, по которому проводилось дознание, и затрагивает вопросы реализации права на защиту, включая процессуальное положение подозреваемого. Определение рассматривает жалобу гражданина И.В. Фленова, осужденного за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 115 УК РФ (умышленное причинение легкого вреда здоровью), по которому проводилось дознание, что предполагает наличие у него статуса подозреваемого на стадии предварительного расследования. Фленов оспаривал конституционность ряда норм УПК РФ, утверждая, что они нарушают его права на защиту, гарантированные Конституцией РФ. В частности, он указывал, что ст. ст. 29, 49, 72, 122 и другие препятствуют допуску в качестве защитника близкого родственника или иного лица на стадии дознания, позволяют дознавателю проводить следственные действия без адвоката, но с участием иного защитника, и не обеспечивают единообразного применения решений о допуске защитника судами разных инстанций. Кроме того, он оспаривал нормы, связанные с производством по делам частного обвинения, утверждая, что переквалификация дела с публичного на частное обвинение и продолжение расследования нарушают его права, а суды не прекращают такие дела при отказе потерпевшего от обвинения, даже при отсутствии оснований, предусмотренных законом.

Конституционный Суд отказал в принятии жалобы, указав, что она фактически направлена на пересмотр правоприменительных решений, что

выходит за рамки его компетенции, но при этом разъяснил ключевые аспекты права на защиту подозреваемого. Конституционный Суд указал, что право на защиту, закрепленное в ст. 48 Конституции РФ, не предполагает возможности подозреваемого выбирать любого защитника по своему усмотрению, а допускает установление квалификационных требований к защитникам, таких как наличие статуса адвоката. Однако суд подтвердил, что по решению суда наряду с адвокатом может быть допущен близкий родственник или иное лицо, если это не противоречит ст. 72 УПК РФ (обстоятельства, исключающие участие защитника). Суд также отметил, что нормы УПК РФ, регулирующие дела частного обвинения, не нарушают прав подозреваемого, так как позволяют проводить предварительное расследование и рассматривать дело в общем порядке, если оно было возбуждено с согласия прокурора, даже при последующей переквалификации [21].

Таким образом, данный пример подчеркивает, что процессуальное положение подозреваемого в уголовном процессе включает право на квалифицированную юридическую помощь, но это право реализуется в рамках строгих законодательных требований, таких как обязательное участие адвоката на стадии дознания, попытки подозреваемого расширить свои процессуальные права, например, через допуск иного защитника без адвоката, могут быть ограничены, если это противоречит установленным нормам. В то же время Конституционный Суд подтверждает, что суды обязаны учитывать предыдущие решения о допуске защитников, что защищает подозреваемого от произвольных отказов.

В заключении рассмотрено Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2021 года № 41-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 401.6 и пункта 1 части второй статьи 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.П. Атрощенко», которое касается жалобы гражданина, подвергнутого уголовному преследованию в качестве подозреваемого на стадии дознания, и затрагивает его право на защиту,

включая возмещение расходов на юридическую помощь как часть реабилитации после прекращения дела.

Дело неоднократно возвращалось для дополнительного дознания и пересоставления обвинительного акта, а затем было прекращено 22 декабря 2016 года за отсутствием состава преступления с признанием права Атрощенко на реабилитацию. Атрощенко обратился за возмещением имущественного вреда, включая расходы на юридическую помощь, которые составили 1203140 рублей 8 копеек, а также другие затраты, связанные с реабилитацией. Находкинский городской суд 5 октября 2018 года удовлетворил его требования, присудив указанную сумму за счет казны РФ, что было подтверждено вышестоящими судами. Однако после исполнения решения суд кассационной инстанции 28 октября 2019 года отменил его и направил дело на новое апелляционное рассмотрение, которое привело к снижению суммы возмещения до 900027 рублей 77 копеек с поворотом исполнения, обязав Атрощенко вернуть излишне полученные средства. Атрощенко оспаривал конституционность пункта 4 части 1 статьи 135, статьи 401.6 и пункта 1 части 2 статьи 401.10 УПК РФ, утверждая, что они позволяют судам снижать размер возмещения расходов на юридическую помощь вопреки условиям договора с адвокатом и ухудшать его положение после истечения года с момента вступления решения в силу, что нарушает его право на защиту и возмещение вреда, гарантированные статьями 21, 48 и 53 Конституции РФ.

Конституционный Суд признал ст. 401.6 УПК РФ неконституционной в части, не ограничивающей срок кассационного пересмотра решений о возмещении вреда, но подтвердил конституционность п. 4 ч. 1 ст. 135 УПК РФ, уточнив его истолкование, и прекратил производство по п. 1 ч. 2 ст. 401.10 УПК РФ, так как это касалось правоприменения.

Прекращение дела по реабилитирующим основаниям и последующее разбирательство о возмещении расходов на адвоката показывают связь между процессуальным положением подозреваемого и последствиями его защиты. Конституционный Суд разъяснил, что п. 4 ч. 1 ст.135 УПК РФ обязывает

возмещать все фактически понесенные расходы на юридическую помощь, если они непосредственно связаны с защитой от уголовного преследования и добросовестность требований реабилитированного не опровергнута. Суд подчеркнул, что снижение возмещения возможно только при доказанной чрезмерности расходов, например, если они связаны с услугами, не относящимися к защите, или с дополнительным вознаграждением адвоката сверх договора. В деле Атрощенко суды установили, что расходы на адвоката были реальными и обусловлены затяжным преследованием с неоднократными возвращениями дела, что усиливало необходимость юридической помощи. Однако кассационный пересмотр спустя год после вступления решения в силу и поворот исполнения создали для Атрощенко дополнительные обременения, включая обязанность вернуть часть средств, что Конституционный Суд считал нарушением его прав, так как ст. 401.6 УПК РФ не ограничивает сроки такого пересмотра, ухудшающее положение реабилитированного [26].

Таким образом, процессуальное положение подозреваемого включает не только право на юридическую помощь на стадии расследования, но и право на полное возмещение связанных с этим расходов при реабилитации. Конституционный Суд подтвердил, что государство обязано обеспечивать это право без необоснованных ограничений, а снижение компенсации допустимо только при доказанной чрезмерности расходов или их несвязанности с защитой.

В заключении анализа судебной практики можно сделать вывод, что процессуальное положение подозреваемого в уголовном процессе характеризуется комплексом прав, включая право на адвоката, участие в процессе, защиту от незаконного ареста и публичного осуждения, а также компенсацию вреда при реабилитации. Международная практика подчеркивает важность соблюдения как общественных интересов, так и прав подозреваемого, особенно в защите его репутации. Национальная практика также показывает, что российское законодательство обеспечивает права подозреваемых, но их реализация зависит от строгого соблюдения судами

процессуальных норм. Пробелы в законодательстве требует дальнейшего совершенствования нормативных актов.

2.3 Меры процессуального принуждения в отношении подозреваемого

УПК РФ в разделе IV классифицирует меры процессуального принуждения на три группы, такие как задержание подозреваемого, меры пресечения и иные меры процессуального принуждения.

По мнению, Д.А. Арутунян, «в целом, процессуальное принуждение можно охарактеризовать как физическое, моральное и психологическое воздействие на индивида, применяемое в целях раскрытия и предупреждения преступления» [2, с. 23].

Каждая из указанных групп процессуального принуждения обладает специфическими особенностями применения, обусловленными процессуальным статусом подозреваемого.

В соответствии со ст. 98 УПК РФ, мерами пресечения являются:

- подпись о невыезде;
- личное поручительство;
- наблюдение командования воинской части;
- присмотр за несовершеннолетним обвиняемым;
- запрет определенных действий;
- залог;
- домашний арест;
- заключение под стражу [36].

Подозреваемый, в отличие от обвиняемого, находится в особом процессуальном положении, поскольку «обоснованное подозрение предполагает наличие достаточных данных о том, что лицо могло совершить преступление, и в отношении подозреваемого еще только предстоит собрать

доказательства, свидетельствующие о его причастности к совершению преступления» [14, с. 111].

А.Г. Кольчурин подчеркивает, что «используя весь арсенал принудительных средств к подозреваемому, т. е. субъекту уголовного процесса, являющему собой неопределенность в совершении преступления, следователь рискует оказаться в роли «заложника» применения неоправданного, необоснованного принуждения» [14, с. 111].

По мнению А.Г. Кольчурина, «особенность задержания заключается в том, что оно одновременно является и процессуальным действием (поскольку осуществляется и оформляется строго в установленном законом порядке), и оперативным мероприятием (так как обычно осуществляется внезапно для задерживаемого), и боевой операцией (при задержании вооруженных преступников)» [14, с. 111].

Согласно ст. 91 УПК РФ, «орган дознания, дознаватель, следователь вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии одного из следующих оснований:

- когда лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;
- когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление;
- когда на лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления» [36].

Процедура задержания строго регламентирована в ст. 92 УПК РФ. «После доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания, в котором делается отметка о том, что подозреваемому разъяснены права, предусмотренные ст. 46 УПК РФ» [36]. А.Г. Кольчурин отмечает, что «возникает некоторая путаница, связанная со временем фактического задержания, временем доставления подозреваемого в орган дознания или к

следователю и временем составления протокола» [14, с. 112]. Для устранения проблемы исследователь предлагает дополнить протокол задержания рапортом сотрудника органа дознания с указанием обстоятельств и времени фактического задержания, что повышает прозрачность процедуры.

Меры пресечения избираются в отношении подозреваемого в исключительных случаях при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ в которой предусмотрено, что «дознаватель, следователь, а также суд в пределах, предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных настоящим Кодексом, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый: скроется от дознания, предварительного следствия или суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью; может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу» [36].

А.Г. Кольчурин выделяет подписку о невыезде и залог как наиболее эффективные и соразмерные меры, говоря от том, что «наряду с заключением под стражу, наиболее эффективными и единственными мерами пресечения, избираемыми в отношении подозреваемых, являются, на наш взгляд, лишь две: подписка о невыезде и залог.

Все остальные меры пресечения либо вообще не применяются в практике расследования преступлений, либо применяются в отношении специального субъекта (наблюдение командования воинской части (ст. 104 УПК РСФСР), отдача несовершеннолетнего под присмотр (ст. 105 УПК РФ)» [14, с. 112].

Подпись о невыезде, согласно ст.102 УПК РФ, состоит в письменном обязательстве подозреваемого: «не покидать место жительства или место пребывания без разрешения дознавателя, следователя или суда; в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд; иным путем не препятствовать производству по уголовному делу» [36].

Ст. 106 УПК РФ регламентирует «внесение или передачу подозреваемым, обвиняемым либо другим физическим или юридическим лицом... недвижимого имущества и движимого имущества в виде денег, ценностей и допущенных к публичному обращению в Российской Федерации акций и облигаций в целях обеспечения явки подозреваемого либо обвиняемого к следователю, дознавателю или в суд» [36].

Более строгие меры, такие как домашний арест и заключение под стражу, требуют особого обоснования. Домашний арест, согласно ст. 107 УПК РФ, «избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении» [36].

Заключение под стражу, регулируемое ст. 108 УПК РФ, применяется «в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения, тяжкого или особо тяжкого преступления, если иное не предусмотрено» [36].

А.Г. Кольчурин подчеркивает необходимость учета личности подозреваемого, говоря, что «при решении вопроса об избрании той или иной меры пресечения необходимо учитывать личность подозреваемого. Это могут быть различные характеризующие его данные (характеристики, показания родственников, сослуживцев, соседей и т.д.).

Сведения о состоянии здоровья подозреваемого (хронические болезни, заболевания, требующие постоянного медицинского ухода, инвалидность и т.д.).

Семейное положение подозреваемого (наличие семьи, иждивенцев, ожидание скорого рождения ребенка и т.д.). Наличие у подозреваемого постоянного места работы или иного источника дохода и другие обстоятельства.

При решении вопроса о мерах пресечения по отношению к подозреваемому вполне может возникнуть ситуация, когда позитивное поведение лица, его социальное, семейное положение и т.п. будут указывать

на то, что оснований для применения мер принуждения в виде мер пресечения либо процессуального задержания нет и к нему вполне достаточно будет применить такой вид принуждения, как обязательство о явке (ст. 112 УПК РФ)» [14, с. 112].

Следовательно данные сведения могут служить основанием для выбора более мягкой меры или отказа от применения мер пресечения.

Иные меры процессуального принуждения могут применяться, если мера пресечения нецелесообразна, но существует риск уклонения подозреваемого от следствия. А.Г. Кольчурин считает, что такие меры, как временное отстранение от должности или наложение ареста на имущество, не должны применяться к подозреваемому, отмечая, что «налагая арест на имущество подозреваемого, орган уголовного преследования производит данную меру принуждения «на перспективу, в запас», то есть при этом нет гарантии того, что гражданский иск будет заявлен, а обвинительный приговор с назначением обеспечения гражданского иска состоится» [14, с. 113].

Согласно ст. 110 УПК РФ, «мера пресечения отменяется, когда в ней отпадает необходимость... или изменяется на более строгую или более мягкую, когда изменяются основания для избрания меры пресечения» [36].

Особое внимание уделяется случаям, когда мера пресечения в виде заключения под стражу также изменяется на более мягкую при выявлении у подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей и удостоверенного медицинским заключением» [36].

Ст. 100 УПК РФ устанавливает, что обвинение должно быть предъявлено подозреваемому не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения [36].

При этом, если подозреваемый был задержан, а затем заключен под стражу, то обвинение должно быть предъявлено в тот же срок с момента задержания.

В заключении главы сделан вывод, что процессуальный статус подозреваемого в уголовном процессе Российской Федерации представляет

собой правовую конструкцию, от правильного определения которой зависит реализация права на защиту с самых ранних этапов уголовного преследования.

Признание лица подозреваемым возможно лишь при наличии чётко определённых оснований, однако правовая неопределённость момента приобретения такого статуса порождает риск фактического ограничения прав. Формальный подход к возбуждению дела или вручению уведомления нередко приводит к ситуации, когда лицо, подвергшееся уголовному воздействию, остаётся без необходимой процессуальной защиты.

Законодатель предусмотрел широкий набор прав, направленных на обеспечение участия в процессе на равных условиях с другими сторонами, включая доступ к защитнику, право на молчание, представление доказательств и обжалование действий следствия.

При этом обязанности сформулированы разрозненно, что снижает правовую определённость и создаёт трудности в правоприменении.

Глава 3 Проблемы и перспективы правового регулирования процессуального положения подозреваемого

Анализ научной литературы и правоприменительной практики выявляет ряд проблем, связанных с несовершенством законодательного регулирования статуса подозреваемого, что порождает нарушения конституционных прав и свобод, а также препятствует единообразию судебно-следственной практики.

Ю.В. Ендолыцева, подтверждает, что, «к сожалению, несмотря на научный прогресс в нашем обществе, законодатель не всегда поспевает реализовывать предложения специалистов, разработанные с учетом задач, вытекающих из современных направлений правовой политики государства, мировой обстановки, технического и социального развития и обобщения правоприменительной практики. Это приводит к увеличению законодательных пробелов и отрыву правил поведения, закрепленных в действующих правовых нормах, от регулирования ситуаций, возникающих в современной объективной действительности, что негативно влияет на эффективность правоприменительной деятельности, снижает доверие граждан к государству и правоохранительным органам, в частности» [12, с. 78-79].

Одной из центральных проблем, затрагиваемых в различных научных исследованиях, является отсутствие четкого законодательного определения понятия «подозреваемый» и неконкретность оснований для приобретения и прекращения этого статуса.

Как отмечает Н.В. Машинская, «отсутствие детального законодательного регулирования правового статуса подозреваемого создает предпосылки для ущемления прав и законных интересов лица, подвергающегося уголовному преследованию, порождает принятие противоречивых процессуальных решений по уголовному делу» [17, с. 39].

Действующий УПК РФ в ч. 1 ст. 46 закрепляет четыре основания для признания лица подозреваемым. Однако ни одно из этих оснований не предполагает обязательного информирования лица о сути подозрения, за исключением уведомления в порядке ст. 223.1 УПК РФ, что создает

неопределенность в правовом положении подозреваемого, особенно в случаях, когда уголовное дело возбуждено по факту преступления, а не в отношении конкретного лица.

Например, постановление о возбуждении уголовного дела, указанное в п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, часто содержит лишь общие сведения о преступлении, что не позволяет подозреваемому эффективно реализовать свои права на защиту. Аналогично, протокол задержания, предусмотренный п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, фиксирует факт ограничения свободы, но не раскрывает содержание подозрения, что ограничивает возможности подозреваемого по защите от уголовного преследования.

В статье Р.В. Мазюка, Е.И. Сухановой обсуждаются актуальные научные и правоприменительные дискуссии, касающиеся необходимости уточнения и дополнения уголовно-процессуального законодательства, в частности, введения в УПК РФ нового самостоятельного процессуального статуса – «заподозренного». Основное направление этих дискуссий связано с попыткой преодолеть пробел между фактическим моментом задержания лица и моментом его признания подозреваемым по правилам статьи 46 УПК РФ. Авторы считают, что «процессуальный статус заподозренного в уголовном судопроизводстве может быть закреплен в одной статье УПК РФ вместе с регламентацией фактического задержания в главе 12 УПК РФ. Данные меры должны обеспечить задержанному заподозренному реальную возможность процессуально противостоять фактическому изобличению в совершении преступления на стадии возбуждения уголовного дела» [16, с. 49].

Поддержка данной концепции прослеживается у ряда учёных. Так, Р.Э. Ахметшин и А.И. Сабирова выступают за включение в УПК РФ определения «задержанного» как лица, принудительно доставленного в связи с его предполагаемой причастностью к преступлению. Указанные авторы предлагают дополнить ст. 5 УПК РФ следующим определением: «Задержанный – лицо, принудительно доставленное в связи с его предполагаемой причастностью к совершению преступления» [3, с. 88]. При этом до составления протокола задержания, задержанный должен обладать

правом давать показания на языке, которым оно владеет, и пользоваться услугами защитника с момента фактического задержания.

А.А. Давлетов, в свою очередь, вводит термин «заподозренный» и предлагает объединить его статус со статусом подозреваемого в единой статье УПК. Он считает, что «признание существования статуса, заподозренного означает, что на этапе подозрения уголовно преследуемое лицо выступает в двух качествах: заподозренного (во всей стадии возбуждения уголовного дела и части предварительного расследования до признания подозреваемым) и подозреваемого (в стадии предварительного расследования в одном из четырех случаев, предусмотренных ч. 1 ст. 46 УПК РФ)» [7, с. 65].

Разделяет данную точку зрения и Е.В. Сопнева, которая полагает, что законодательная регламентация процессуального положения «заподозренного» должна включать такие элементы процессуального статуса данного участника уголовно-процессуальных отношений, как «его определение, права и обязанности, момент появления и прекращения действия, способ фиксации, гарантии соблюдения его прав, свобод и законных интересов» [33, с. 1479]. Автор также аргументирует свою позицию историческими примерами, например, «в Соборном Уложении 1649 г. в обязанность пристава вменялась поимка воров и разбойников. Обнаружение преступления и доставление им заподозренного с поличным служило поводом к «судебному разбирательству». Согласно Своду законов Российской империи 1832 г., именно подозрение позволяло задержать лицо. Так, подозрение в совершении преступления становится основанием для задержания заподозренного и доставления его в полицию с целью допроса и исследования обстоятельств дела (ст. 344 Свода законов Российской империи в редакции третьего издания)» [33, с. 1475].

Таким образом, дискуссия затрагивает важнейший пробел в уголовно-процессуальном регулировании – отсутствие чётко оформленного правового статуса лица, фактически вовлечённого в процесс, но ещё не признанного подозреваемым. Учёные предлагают восполнить этот пробел через введение

категории заподозренного, что, по их мнению, усилит правовую защищенность лица в момент фактического начала уголовного преследования.

Проблема неопределенности усугубляется отсутствием законодательной регламентации момента прекращения статуса подозреваемого. Н.В. Машинская подчеркивает, что «действующий УПК РФ не регламентирует момент прекращения процессуального статуса подозреваемого, что может привести к нарушению прав лица, наделенного соответствующим статусом» [17, с. 40]. Например, если лицо освобождается из-под стражи по основаниям, предусмотренным ст. 94 УПК РФ, таким как неподтверждение подозрения или отсутствие оснований для заключения под стражу, вопрос о прекращении статуса подозреваемого остается неурегулированным. В практике встречаются случаи, когда лицо продолжает находиться в статусе подозреваемого даже после отмены меры пресечения, что приводит к необоснованным ограничениям его прав. Примером служит рассмотренное в статье автора дело гражданки С., которая, несмотря на отсутствие предъявленного обвинения и утрату юридической силы меры пресечения, продолжала участвовать в уголовном деле в качестве подозреваемого, что создавало риск дополнительных правоограничений [17, с. 41].

Переходя к следующей проблеме, следует отметить недостаточную правовую защиту подозреваемого от произвольного применения мер процессуального принуждения, особенно задержания.

С.Б. Россинский указывает, что «как основания задержания подозреваемого, положения ст. 91 УПК РФ включают совершенно иные правовые гипотезы – предусматривают юридические факты, позволяющие выдвинуть версию о криминальном характере действий (бездействия) человека, попавшего в зону внимания правоохранительных органов. Другими словами, эти положения содержат не столько основания для задержания, сколько основания для подозрения данного лица в подготовке преступления, покушении на преступление либо совершении оконченного преступления и,

таким образом, предопределяют потребность в осуществлении в отношении него персонифицированного уголовного преследования» [31, с. 13].

Законодательство связывает задержание с такими обстоятельствами, как застигнутость лица при совершении преступления или указание на него свидетелями, однако эти основания не всегда коррелируют с целями задержания, такими как предотвращение уклонения от следствия или уничтожения доказательств, что приводит к формальному применению задержания, когда мера используется без реальной необходимости, что подтверждается примером задержания лица за попытку сбыта слитков серебра, где следователь применил задержание по формальным основаниям, несмотря на отсутствие потребности в изоляции [31, с. 12]. С.Б. Россинский предлагает пересмотреть правовую природу задержания, исключив его из системы уголовно-процессуального принуждения и регулируя отдельным законодательным актом, что позволило бы четче разграничить полицейские и юрисдикционные функции [31, с. 15].

И.В. Смолькова отмечает, что «отдельные процессуалисты полагают, что лицо, наделенное статусом подозреваемого вследствие возбуждения в отношении него уголовного дела, не получает такого же полного объема эффективных гарантий защиты своих прав, как обвиняемый, поскольку ознакомление с постановлением о возбуждении уголовного дела не позволяет подозреваемому узнать о сущности подозрения ввиду констатации в указанном процессуальном документе только повода и основания для возбуждения уголовного дела. Действительно, лаконичность формулировок в постановлении о возбуждении уголовного дела не позволяет подозреваемому узнать все сведения, положенные в основу подозрения. Вручение же копии данного постановления подозреваемому (п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ) нельзя рассматривать как способ реализации его права на ознакомление с сущностью подозрения. Поэтому следователь (дознаватель) обязан, помимо вручения копии постановления, также разъяснить подозреваемому сущность подозрения и данные, положенные в его основу» [32, с. 75].

Другой важной проблемой является нарушение права на защиту лиц, фактически находящихся в положении подозреваемого, но не наделенных этим статусом в процессуальном смысле. А.В. Данилов подчеркивает, что «УПК РФ гарантирует права иметь защитника на стадии проверки о сообщении о преступлении, т.е. до возбуждения уголовного дела, ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, однако лишает его такого права после возбуждения уголовного дела, до наделения его таким статусом. Налицо пробел процессуального закона УПК РФ» [8, с. 63].

На практике следователи нередко проводят допросы или иные следственные действия с лицами, фактически подозреваемыми в совершении преступления, в качестве свидетелей, что лишает их права на квалифицированную юридическую помощь и защиту от самооговора.

М.М. Бондарь указывает, на «возможную длительность срока нахождения лица в статусе подозреваемого, например, связанного с многоэпизодностью уголовного дела (а значит и длительностью сроков расследования) или с реализацией положений института приостановления производства по уголовному делу» [4, с. 139]. Также автор отмечает, что «в отличии от таких оснований, как уведомление лица о подозрении (п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ) или задержание лица по подозрению в совершении преступления (п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ), которые гарантируют разъяснение указанному лицу приобретаемых им прав подозреваемого с составлением протокола, а также устанавливают конкретный срок обязательного производства допроса подозреваемого при их применении, такое основание, как возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица не предусматривает обязательного письменного удостоверения факта разъяснения ему прав подозреваемого, а также не устанавливает конкретного срока производства допроса такого лица. Такие отличия в основаниях введения лица в статус подозреваемого не одинаково гарантируют лицу возможность воспользоваться правами, предоставленными ему как подозреваемому по уголовному делу» [4, с. 140]. Таким образом, в отличие от уведомления о подозрении или задержания, которые сопровождаются

составлением протокола и разъяснением прав, возбуждение уголовного дела в отношении лица не гарантирует немедленного информирования о статусе и правах, что создает риск произвольного применения процессуальных мер и ограничивает возможности защиты.

Еще одной проблемой является социальная стигматизация и репутационные потери, связанные с приятием лицу статуса подозреваемого. М.М. Бондарь отмечает, что «приятие лицу процессуального статуса подозреваемого представляет собой официальное заявление органа расследования о причастности конкретного лица к совершению расследуемого преступления. При этом как у лица, приобретающего статус подозреваемого, так и у окружающих, осведомленных об этом обстоятельстве, формируется мнение о его виновности в совершении того преступления, в котором он подозревается. Даже последующее прекращение уголовного преследования в отношении подозреваемого не всегда может восстановить не только права, затронутые уголовным преследованием, но и репутацию данного лица в глазах общественности» [4, с. 138]. «Приятие лицу статуса обвиняемого, как и подозреваемого, при расследовании уголовного дела в обыденном (общечеловеческом) понимании – это всегда своеобразное «очернение» лица, выставление его в неблаговидном свете» [4, с. 138], что подтверждается решением Европейского суда по правам человека по делу «Митягин и Леонов против России», где судья Винсент Де Гаэтано указал на «тонкую грань» между утверждением о подозрении и фактическим обвинением, подчеркивая, что публикация сведений о подозрении в СМИ может создать неверное представление о виновности лица [4, с. 138]. В российской практике данный аспект проявляется, например, в требовании работодателей предоставить справку об отсутствии факта уголовного преследования, что может привести к отказу в трудоустройстве даже при прекращении дела. В исследовании М.М. Бондарь приводит пример гражданки Л., которая, несмотря на прекращение уголовного преследования, столкнулась с трудностями при трудоустройстве из-за наличия в справке сведений о возбуждении уголовного дела [4, с. 140].

В заключении отмечена проблема, которая касается возможности наделения лица статусом подозреваемого в его отсутствие, особенно в делах, связанных с предпринимательской деятельностью. А.А. Шишков отмечает, что «существующий механизм наделения лица статусом подозреваемого при его фактическом отсутствии не способен учесть все возможные ситуации, возникающие при расследовании преступлений» [39, с. 183]. Например, если лицо уклоняется от явки, следователь не может объявить его в розыск без наделения статусом подозреваемого, но текущие основания, такие как применение меры пресечения, требуют присутствия лица, что создает правовой тупик.

Перспективы совершенствования правового регулирования процессуального положения подозреваемого связаны с устранением указанных проблем.

Одной из ключевых мер, предлагаемых для совершенствования правового регулирования, является введение законодательного определения понятия «подозрение» и разработка специального процессуального документа для наделения лица статусом подозреваемого. Предлагается закрепить в ст. 5 УПК РФ понятие «подозрение» как «предположение о причастности лица к совершению преступления, основанное на результатах процессуальной и оперативно-розыскной деятельности» и ввести постановление о привлечении в качестве подозреваемого, которое бы включало описание события преступления и перечень прав и обязанностей. Такой документ должен состоять из двух частей, в первой должно быть описание события, содержащего признаки преступления, во второй указан перечень прав и обязанностей подозреваемого, что обеспечит ясность и конкретику в правовом положении лица. Данное предложение направлено на устранение неопределенности в статусе подозреваемого, особенно в случаях, когда процессуальные решения, такие как постановление о возбуждении уголовного дела (п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ), не содержат конкретных сведений о подозрении, что ограничивает возможности защиты.

В продолжение этой идеи, можно акцентировать внимание на необходимости унификации процедуры наделения лица статусом подозреваемого, особенно в случаях возбуждения уголовного дела. Для решения этой проблемы предлагается дополнить ст. 146 УПК РФ частью 4.1, изложив ее следующим образом: «Копия постановления о возбуждении уголовного дела вручается лицу, в отношении которого возбуждено уголовное дело с разъяснением ему прав подозреваемого, предусмотренных ст. 46 настоящего Кодекса, о чем составляется протокол. В течение 3 суток с момента вручения лицу копии постановления о возбуждении в отношении него уголовного дела следователь должен допросить подозреваемого по существу подозрения». Данное предложение направлено на обеспечение единообразного подхода к информированию лица о его правах и обязанностях, что особенно важно в условиях, когда текущее законодательство не предусматривает обязательного разъяснения прав при возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, в отличие от уведомления о подозрении (п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ) или задержания (п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ).

Другим важным направлением модернизации является усиление гарантий права на защиту для лиц, фактически находящихся в положении подозреваемого, но не наделенных этим статусом в процессуальном смысле. Для устранения этого пробела предлагается законодательно «вынудить» следователей и дознавателей разъяснить права, предусмотренные ч. 4 ст. 46 УПК РФ, перед применением мер, ограничивающих свободу, и включить в перечень недопустимых доказательств результаты процессуальных действий, проведенных с целью изобличения лица без наделения его статусом подозреваемого. Данное мероприятие позволит обеспечить соблюдение принципов состязательности и презумпции невиновности, гарантированных ст. 45 Конституции РФ и ч. 1 ст. 16 УПК РФ, а также предотвратит злоупотребления со стороны органов расследования.

Переходя к следующей мере, следует отметить предложение о пересмотре оснований и целей задержания подозреваемого для их гармонизации и минимизации необоснованных ограничений свободы.

С.Б. Россинский предлагает исключить институт задержания из сферы уголовно-процессуального регулирования, разработав отдельный законодательный акт, устанавливающий основания, условия правомерности и порядок задержания лица по подозрению в совершении преступления [31, с. 15], что позволит разграничить полицейские и юрисдикционные функции, устранив практику формального применения задержания, как в случае с задержанием лица за попытку сбыта слитков серебра, где мера была применена без реальной необходимости. Такой подход усилит защиту конституционных прав на свободу и личную неприкосновенность, гарантированных ст. 22 Конституции РФ.

Еще одной мерой, направленной на защиту прав подозреваемого, является реформирование процедуры прекращения статуса подозреваемого для предотвращения необоснованных правоограничений. Для решения этой проблемы предлагается ввести обязательное вынесение постановления о прекращении уголовного преследования в случаях, когда основания для статуса подозреваемого перестают действовать, например, при неподтверждении подозрения (п. 1 ч. 1 ст. 94 УПК РФ) или отмене меры пресечения (ч. 1 ст. 100 УПК РФ). Предложение поддерживается позицией Конституционного Суда РФ, который в постановлении от 21 ноября 2017 г. № 30-П отметил, что освобождение подозреваемого по п. 1 ч. 1 ст. 94 УПК РФ свидетельствует о его непричастности к преступлению, что должно сопровождаться вынесением постановления о прекращении уголовного преследования. Такая мера обеспечит юридическую определенность и предотвратит произвольное сохранение статуса подозреваемого.

Наконец, важным направлением является снижение reputационных потерь, связанных с приданием статуса подозреваемого, и усиление гарантий права на реабилитацию. Для устранения этой проблемы предлагается реформировать порядок выдачи справок, исключив из них информацию о прекращенных делах в случае непричастности лица, а также усилить механизмы реабилитации, включая компенсацию морального и материального вреда, причиненного уголовным преследованием. Кроме того,

М.М. Бондарь ссылается на позицию, которая отмечает, что «работодатели часто опасаются нанимать на работу лиц, привлекаемых к уголовной ответственности из-за страха стигматизации (навешивания социальных ярлыков)» [4, с. 139], что подчеркивает необходимость законодательных мер для защиты репутации.

В заключении главы сделан вывод, что анализ научной литературы и правоприменительной практики выявил проблемы в правовом регулировании процессуального положения подозреваемого в уголовном судопроизводстве России, которые препятствуют единообразию судебно-следственной практики и нарушают конституционные права личности. Основные проблемы включают отсутствие четкого законодательного определения понятия «подозреваемый» и неконкретность оснований для приобретения и прекращения этого статуса, недостаточную защиту от произвольного применения мер процессуального принуждения, особенно задержания, ограничение права на защиту для лиц, фактически находящихся в положении подозреваемого, но не наделенных этим статусом, социальную стигматизацию и репутационные потери, связанные с подозрением, а также сложности с наделением статуса подозреваемого в отсутствие лица, особенно в делах, связанных с предпринимательской деятельностью.

Для устранения этих проблем предлагается ряд мер, направленных на устранение выявленных проблем, укрепление правовой защиты подозреваемого и обеспечение справедливого уголовного судопроизводства.

Заключение

Подозреваемый является самостоятельным субъектом уголовного судопроизводства, обладающим специфическим комплексом прав и обязанностей, которые обеспечивают защиту его личных интересов на досудебной стадии уголовного процесса.

Исторический анализ развития института подозреваемого в российском уголовном процессе свидетельствует о постепенном расширении процессуальных гарантий и укреплении правового статуса данного участника уголовного судопроизводства. Принятие УПК РФ 2001 г. стало качественным скачком в развитии правового регулирования статуса подозреваемого, поскольку впервые в российской правовой системе был закреплен исчерпывающий перечень оснований для признания лица подозреваемым и детально регламентирован объем его прав и обязанностей.

Согласно УПК РФ, подозреваемым признается лицо: либо в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, которые установлены главой 20 УПК РФ, либо которое задержано в соответствии со ст. 91 и ст. 92 УПК РФ, либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со статьей 100 УПК РФ, либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном статьей 223.1 УПК РФ.

Современное нормативное регулирование статуса подозреваемого в российском уголовно-процессуальном законодательстве базируется на конституционных принципах и международных стандартах защиты прав человека.

Сравнительный анализ международного уголовно-процессуального законодательства показывает, что независимо от типа правовой системы наблюдается общая тенденция к расширению процессуальных гарантий подозреваемого и усилинию контроля за деятельностью органов предварительного расследования. При этом конкретные механизмы реализации этих принципов могут существенно различаться в зависимости от

национальных особенностей правовой системы, исторических традиций и социально-культурных факторов. Данный опыт может быть использован при совершенствовании российского уголовно-процессуального законодательства с учетом специфики отечественной правовой системы и требований международных стандартов.

Признание лица подозреваемым возможно лишь при наличии чётко определённых оснований, однако правовая неопределённость момента приобретения такого статуса порождает риск фактического ограничения прав. Формальный подход к возбуждению дела или вручению уведомления нередко приводит к ситуации, когда лицо, подвергшееся уголовному воздействию, остаётся без необходимой процессуальной защиты. Законодатель предусмотрел широкий набор прав, направленных на обеспечение участия в процессе на равных условиях с другими сторонами, включая доступ к защитнику, право на молчание, представление доказательств и обжалование действий следствия. При этом обязанности сформулированы разрозненно, что снижает правовую определённость и создаёт трудности в правоприменении. Применение мер процессуального принуждения требует особой осторожности и строгого соблюдения принципа соразмерности, поскольку речь идёт о лице, вина которого ещё не установлена.

Анализ научной литературы и правоприменительной практики выявил проблемы в правовом регулировании процессуального положения подозреваемого в уголовном судопроизводстве России, которые препятствуют единообразию судебно-следственной практики и нарушают конституционные права личности. Основные проблемы включают отсутствие четкого законодательного определения понятия «подозреваемый» и неконкретность оснований для приобретения и прекращения этого статуса, недостаточную защиту от произвольного применения мер процессуального принуждения, особенно задержания, ограничение права на защиту для лиц, фактически находящихся в положении подозреваемого, но не наделенных этим статусом, социальную стигматизацию и репутационные потери, связанные с подозрением, а также сложности с наделением статуса подозреваемого в

отсутствие лица, особенно в делах, связанных с предпринимательской деятельностью.

Для устранения этих проблем предлагается ряд мер, направленных на устранение выявленных проблем, укрепление правовой защиты подозреваемого и обеспечение справедливого уголовного судопроизводства.

Первым мероприятием является закрепление в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) понятия «подозрение» как предположения о причастности лица к совершению преступления, основанного на результатах процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, и введение специального процессуального документа – постановления о привлечении в качестве подозреваемого. Введение такого документа устранит неопределенность в правовом положении подозреваемого, особенно в случаях, когда постановление о возбуждении уголовного дела (п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ) содержит лишь общие сведения о преступлении, что затрудняет реализацию права на защиту.

Вторым предложением является унификация процедуры наделения лица статусом подозреваемого при возбуждении уголовного дела путем дополнения ст. 146 УПК РФ нормой, обязывающей следователя вручать копию постановления о возбуждении уголовного дела лицу, в отношении которого оно вынесено, с обязательным разъяснением прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ, и составлением протокола, фиксирующего факт такого разъяснения. Кроме того, следователь должен в течение трех суток с момента вручения копии постановления допросить подозреваемого по существу подозрения, что позволит своевременно информировать лицо о содержании подозрения и предоставить ему возможность воспользоваться процессуальными правами, включая право на квалифицированную юридическую помощь. Мероприятие устранит пробелы в текущем законодательстве, которое не предусматривает обязательного информирования лица о его правах при возбуждении уголовного дела в отличие от случаев уведомления о подозрении (п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ) или

задержания (п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ), обеспечив единообразие правоприменительной практики.

Далее предлагается усиление гарантий права на защиту для лиц, фактически находящихся в положении подозреваемого, но не наделенных этим статусом в процессуальном смысле, путем законодательного закрепления обязанности следователей и дознавателей разъяснить права, предусмотренные ч. 4 ст. 46 УПК РФ, перед применением любых мер, ограничивающих свободу, таких как доставление или допрос. Также предлагается дополнить перечень недопустимых доказательств, предусмотренный ст. 75 УПК РФ, результатами процессуальных действий, проведенных с целью изобличения лица, не наделенного статусом подозреваемого, например, допросов в качестве свидетеля, если лицо фактически подозревается в совершении преступления, что предотвратит практику, при которой лицо лишается права на защитника и защиту от самооговора на ранних стадиях расследования, обеспечивая соблюдение принципов состязательности и презумпции невиновности, закрепленных в ст. 45 Конституции РФ и ч. 1 ст. 16 УПК РФ.

Четвертой мерой выступает пересмотр оснований и целей задержания подозреваемого, предусмотренных ст. 91 УПК РФ, с целью исключения формального применения этой меры. Предлагается вывести институт задержания из системы уголовно-процессуального регулирования и разработать отдельный законодательный акт, который четко определит основания, условия правомерности и порядок задержания лица по подозрению в совершении преступления. Такой акт должен установить, что задержание применяется только в случаях реальной необходимости, например, для предотвращения уклонения от следствия или уничтожения доказательств, а не на основании формальных признаков, таких как застигнутость лица при совершении преступления или указание свидетелей, что позволит укрепить защиту конституционных прав на свободу и личную неприкосновенность, предусмотренных ст. 22 Конституции РФ.

Далее предлагается введение обязательного вынесения постановления о прекращении уголовного преследования в случаях, когда основания для статуса подозреваемого, указанные в ч. 1 ст. 46 УПК РФ, перестают действовать, например, при неподтверждении подозрения (п. 1 ч. 1 ст. 94 УПК РФ) или отмене меры пресечения (ч. 1 ст. 100 УПК РФ). Постановление должно четко фиксировать момент прекращения статуса подозреваемого, исключая возможность сохранения этого статуса после утраты юридических оснований, что устранит риск необоснованных ограничений прав, таких как продолжение участия лица в уголовном деле в качестве подозреваемого после освобождения из-под стражи.

Также предлагается реформирование порядка выдачи справок о судимости с исключением из них информации о прекращенных уголовных делах в случае непричастности лица к преступлению, а также усиление механизмов реабилитации, включая компенсацию морального и материального вреда, причиненного уголовным преследованием, что позволит защитить репутацию лиц, подвергшихся уголовному преследованию, и устранить социальную стигматизацию, связанную с подозрением, которая проявляется, например, в трудностях при трудоустройстве из-за наличия в справке сведений о возбуждении уголовного дела.

Все предлагаемые в исследовании мероприятия направлены на повышение правовой определенности в регулировании статуса подозреваемого, обеспечении защиты его прав от произвольных ограничений, и создания условий для единообразной правоприменительной практики.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Аверченко А.К. Подозреваемый и реализация его прав в уголовном процессе / А.К. Аверченко, С.Л. Лонь; Томский государственный университет, Юридический факультет. - Томск : Издательство научно-технической литературы, 2003. 196 с.
2. Арутюнян Д.А. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения: проблемы и особенности // Правовой альманах. 2023. № 9 (31). С. 21-26.
3. Ахметшин Р.Э. О некоторых проблемах уголовно-процессуального статуса лица, задержанного по подозрению в совершении преступления / Р.Э. Ахметшин, А.И. Сабирова // Современные проблемы уголовного права и процесса: Сборник научных трудов 57 студенческой научно-практической конференции, Хабаровск, 04 апреля 2017 года / Под редакцией В.Е. Степенко. – Хабаровск : Тихоокеанский государственный университет. 2017. С. 80-89.
4. Бондарь М.М. Современное состояние и перспективы модернизации процессуального статуса подозреваемого в уголовном судопроизводстве // Теория и практика общественного развития. 2021. № 11 (165). С. 137-142.
5. Быков В.М., Терегулова А.А. Совершенствование оснований признания лица подозреваемым в совершении преступления // Russian Journal of Economics and Law. 2009. № 1 (9). С. 194-204.
6. Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. М. : ЮРИнфоП, 1999. 541 с.
7. Давлетов А.А. Проблема статуса уголовно преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. 2015. № 4 (103). С. 61-67.
8. Данилов А.В. Проблемы реализации прав подозреваемого в Российском уголовном процессе и совершенствование статуса подозреваемого // Интерактивная наука. 2023. № 6 (82). С. 62-63.

9. Дациева Х.Г. Законодательный пробел в регламентации оснований признания лица подозреваемым // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2013. № 2. С. 127-132.

10. Дело «Митягин и Леонов против России», рассмотренное Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ) 7 мая 2019 г. (жалобы № 11436/06 и 22912/06) [Электронный ресурс] // URL: minjust.gov.ru3/ (дата обращения: 05.05.2025 г.).

11. Демирчян В.В. Институт подозреваемого в российском уголовном процессе: история и современность // Общество и право. 2008. № 1 (19). С. 192-196.

12. Ендольцева Ю.В. Прекращение уголовного дела: обзор неразрешенных проблем // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 5. С. 78-83.

13. Кальницкий В.В. Уведомление о подозрении в совершении преступления: правовая сущность и порядок применения // Вестник Омского университета. Право. 2008. № 1. С. 59–63.

14. Кольчурин А.Г. Особенности избрания мер процессуального принуждения в отношении подозреваемого // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 111-113.

15. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/249eba46b69e162f87771713b6e37fb0780f2c40/(дата обращения: 25.04.2025 г.).

16. Мазюк Р.В., Суханова Е.И. Процессуальное положение задержанного по подозрению в совершении преступления лица до возбуждения уголовного дела // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 2 (24). С. 45-50.

17. Машинская Н.В. Проблемы законодательного регулирования оснований приобретения и прекращения процессуального статуса подозреваемого // Общество и право. 2023. № 1 (83). С. 39-42.

18. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения: 25.04.2025 г.).

19. Муравьев К.В. Уведомление о подозрении в совершении преступления // Уголовный процесс. 2007. № 11. С. 16-19.

20. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024) утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vscr.ru/documents/practice/33619/> (дата обращения: 05.05.2025 г.).

21. Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2017 № 668-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фленова Ильи Валерьевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutzionnogo-suda-rf-ot-28032017-n-668-o/> (дата обращения: 05.05.2025 г.).

22. Пономаренко С.И., Пономаренко А.С. Общетеоретические основы процессуального статуса подозреваемого // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. С. 1-8.

23. Попова Л.В. Процессуальное положение подозреваемого в уголовном процессе / Л.В. Попова, Ю.В. Третьяков // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 8, № 1 (15). С. 82-86.

24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420843/ (дата обращения: 25.04.2025 г.).

25. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право

на защиту в уголовном судопроизводстве» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/ (дата обращения: 25.04.2025 г.).

26. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2021 № 41-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 401.6 и пункта 1 части второй статьи 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.П. Атрощенко» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396319/ (дата обращения: 05.05.2025 г.).

27. Приговор № 1-173/2024 от 29 октября 2024 г. по делу № 1-173/2024 Дальнереченский районный суд (Приморский край) » [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gXRK5aV0HKoZ/> (дата обращения: 05.05.2025 г.).

28. Приказ МВД РФ от 30.04.2012 № 389 «Об утверждении наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 26.06.2012 № 24696) [Электронный ресурс] // URL: <https://mvd.consultant.ru/documents/10495/> (дата обращения: 25.04.2025 г.).

29. Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по приему, регистрации и разрешению в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях». / [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72188134/> (дата обращения: 25.04.2025 г.).

30. Приказ Генпрокуратуры России от 07.12.2007 № 195 (ред. от 10.09.2024) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов,

соблюдением прав и свобод человека и гражданина». [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rf-ot-07122007-n-195/> (дата обращения: 25.04.2025 г.).

31. Россинский С.Б. Цели и основания задержания подозреваемого: в чем причины существующих противоречий? // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3 (52). С. 9-16.

32. Смолькова И.В. Возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица как основание его признания подозреваемым (п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ) // Lex Russica. 2021. № 4 (173). С. 71-78.

33. Сопнева Е.В. Заподозренный как способ выражения подозрения // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7. С. 1474-1480.

34. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951. 191 с.

35. Тушев А.А. О необходимости дальнейшего редактирования УПК РФ // Российская юстиция. 2009. № 1. С. 62-64.

36. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 25.04.2025 г.).

37. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/1305540/8b7b3c1c76e91f88d33c08b3736aa67a/> (дата обращения: 25.04.2025 г.).

38. Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав подозреваемого в российском уголовном процессе: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.09 / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2001. 24 с.

39. Шишков А.А. Приобретение лицом статуса подозреваемого: некоторые нерешенные проблемы закона // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 183-186.

40. Штымова О.Х., Мальцагов И.Д. Конституционный судебный контроль за защитой прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве при определении процессуального положения подозреваемого лица // Государственная служба и кадры. 2022. №1. С. 233-239. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyy-sudebnyy-kontrol-zaschitoy-prav-i-svobod-cheloveka-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-pri-opredelenii-prosessualnogo/> (дата обращения: 25.04.2025 г.).